

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС
Вильнюсский университет

О формах типа *гуля́ле, пошлѐ* ‘(мы, они) гуляли, пошли’ и под. в псковских говорах под Опочкой

Полное заглавие этой работы должно было бы звучать либо как *Об особенностях реализации гласных в заударных открытых конечных слогах*, либо как *Гласные в заударных сильных слогах в псковских говорах под Опочкой*. Эти заголовки не были использованы, поскольку первый из них слишком громоздкий, а второй содержит не совсем ясное выражение *сильные слоги*.

В принятом заглавии сигнализируется тот факт, что именно л-овые формы глаголов прошедшего времени мн. числа с окончанием [л], как наиболее частые в речи, стали отправной точкой в исследовании, целью которого является описание правил реализации гласных [и], [ы], [е], [у] в заударных конечных слогах целого ряда морфологических категорий.

Формы же типа *гуля́ле, пошлѐ* в заглавии цитируются для того, чтобы привлечь внимание к аналогичным по звучанию формам, известным в бережных говорах Гдовщины (краткую историю фиксации которых и новые данные см. в [Хонселаар 1997]), а также формам типа *дале, шыле* (1–3 лица ед. числа), и, вообще, окончанию -е некоторых других морфологических категорий в грамотах на бересте [Зализняк 1995, 82, 124–125]; сокращение “и под.” сигнализирует, что речь пойдет не только об особенностях реализации конечного [и], но и других гласных.

В заключительной части статьи высказывается предположение о том, что рассматриваемое фонетическое явление опочецких говоров может оказаться полезными при объяснении генезиса “загадочного” окончания -е в упомянутых глагольных и именных формах.

Говоры целого ряда деревень вдоль реки Иссы к северо-западу от Опочки, обследованные нами весной 2002 г. (информацию об этой экспедиции см. в данном выпуске *SlVil*, с. 206–209) по всем основным признакам являются естественной, интегральной частью говоров центральной части Псковщины. Большинство их особенностей отражено на соответствующих картах ДАРЯ I–III [1986–96]; одна из наиболее ярких черт этих говоров — заударное оканье в открытых конечных

словах, которое не было замечено собирателями материалов в д. Лукино (пункт 8 Диалектологического атласа говоров к западу от Москвы, см. [ДАРЯ III 1996, 337]), расположенной на данной территории — описана нами в специальной работе, на некоторые положения которой мы будем ссылаться далее.

При домашнем прослушивании и транскрибировании магнитофонных записей было обнаружено явление, не замеченное никем из участников экспедиции в полевых условиях. Сначала внимание на себя обратили *несколько случаев* несомненного произношения нашими самыми лучшими информаторами форм типа (мы, они) *гуля́ле, бы́ле* с совершенно четким и выразительным [-e]. Затем оказалось, что в л-овых формах глаголов мн. числа *все информаторы* — носители местной традиционной речи — вместо безударного общерусского [-и] *время от времени* произносят либо достаточно выразительное [-e], либо [-e̞] более закрытое, либо же, в более редких случаях, дифтонги и дифтонгоиды (типа [-*ӣе* -*ӣ*^е -*ӣе*]). В качестве предварительной иллюстрации этого явления приведем сначала несколько форм именно с конечным [e]:

вот я скажу вам аччаво́ / сажáле (= сажали (в тюрьму)) <...> *вот или коммунисты или кто такой* // П.П., Антоново;

тагда мáлец вызывáйе / ут так ут так гуля́ле (= мы, они гуляли) // П.А.,

Сидорово;

нас было . два брата / две сестры́ / и яшчо . умирле (= они умерли) <...>

умир брат / да / да // И.Г., Марфино;

была мýладёж / хоть и работáле (= мы, они работали) . *тут зь труда-днй / но всё жь мýладёж . мýладёжсы было много* // И.Г., Марфино;

зъпрягли́ нам лошъдь / мы паéхъле (= мы поехали) // З.Г., Сидорово;

дúмю так што нъзначáле (верующие сами *назначали*, т.е. выбирали попов-наставников; с запинкой перед слогом [ле]) / <...> *акрúгъй* (= всем обществом) И.Г., Марфино.

Кроме того, было отмечено также несколько случаев произношения в данной форме дифтонгизированного звука типа [ӣе] на месте ударного [-и], напр., *май пашлйэ́* П.Б., Антоново, о чем несколько подробнее будет сказано в конечной части статьи.

В то же время очевидно, что соответствующие общерусские формы с конечным -и (безударным и ударным) в речи всех информаторов явно преобладают, ср.:

большый стáли магíлки (= кладбище стало большим) // И.Г., Марфино;

вы не бýли там где Химка да Фядот? П.П., Антоново;

а^е гармонь игрáли тóльке в сен... в калидóре / П.А., Сидорово;

(его) *убѝли* *нѣ вайнѐ* П.Б., Антоново;
вот пастѣвилѝ (амбар) *зѣ_рикой* (= за рекой) / *печку вняслѝ* в Кузьмѝн_
 день в зимний / *вот я . ишлѝ гулять* и *вышла сюда* // П.А., Сидорова;
прялки дѣлѝ в нас в Самулине // *прѣли* ... / П.Б., Антоново;
нѣшы . нѣшы_дѣти / *пѣшлѝ* в школу / *им навѣсилѝ гѣлстѣки* / и *ѝих* только
адбивѣли нет нет нет боуа // П.Б., Антоново;
а пѣшлѝ назѣвтр"э ... П.Б., Антоново.

Можно не сомневаться, что если бы конечное [-e] в этих формах было замечено в полевых условиях и правила его реализации изучались на слух, то формы мн. числа типа (мы, они) *гуля́ле, бѣ́ле*, скорее всего, были бы квалифицированы как *спорадические*, изредка используемые вместо регулярных и общерусских *гуля́ли, бѣ́ли*. К такому решению подталкивало бы и то, что в некоторых контекстах формы обоих типов соседствуют, как в случаях:

а ходѝли (мы, они ходили пешком в Латвию) / *тѣрсят тѣ^купѣли* (= мы, они покупали) / *а в Апочки прѣдавѣле* (= мы, они продавали) / П.Б., Антоново;
зѣлючонѣх вывизле (= вывезли) / *барѣк* / *а нас туда тѣсялѝли* (= посетили) // И.Г. Марфино и мн. др.

Однако внимательное прослушивание и анализ собранного материала с помощью компьютерных программ показали, что произношение *e*-образных звуков на месте конечного [и] во мн. числе *л*-овых форм глагола представляет собой лишь "верхушку" и одно из самых ярких проявлений особенностей реализации гласных в открытых заударных слогах, обусловленное их положением в интонационном контуре.

В общем, предваряя дальнейшее изложение конкретных фактов, оказалось, что заударные конечные слоги — в первую очередь, открытые — (условно *-CV* в формуле *CV'...-CV*, где *CV'* — ударный слог) носителями обследованного говора произносятся по-разному в зависимости от положения соответствующего слова во фразе. Эта зависимость сводится к следующему.

Во-первых, гласные в слогах в абсолютном конце слова — т.е. в *конце слова и фразы* (условно *-CV'*) — обычно являются длительными, а их звучание затихает не постепенно, но довольно резко. Имея в виду эти особенности слогов данного типа, мы называем их *сильными (-CV')*. На слух сильные слоги кажутся несколько "подчеркнутыми", иногда даже слабоударными; амплитуда основного тона соответствующих гласных в конце их звучания на осциллограммах имеет ромбовидный характер с предшествующим довольно ровным по интенсивности отрезком (см. рис. 1).

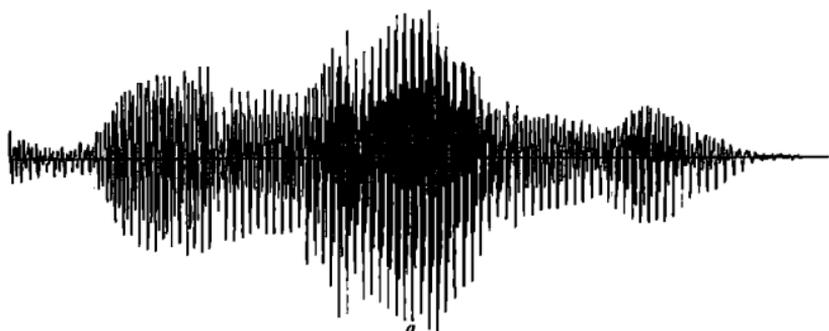

Рис. 1. Осциллограмма слова *гуля́ле* во фразе *ну гуля́л, ли́ так / нармáльно*
г^ауля́л, ли́ так // П. Б. Антоново

Во-вторых, сильными являются конечные открытые слоги в словах под эмфазой (основным, эмфатическим ударением); обычно такие слова представляют собой либо отдельные предложения, либо они находятся в конце синтагмы внутри интонационного контура (перед отрезком, завершающим фразу); в принципе же, эмфатическое ударение может приходиться и на слова в других синтаксических позициях.

Остальные конечные заударные слоги во фразе являются либо нейтральными, либо ослабленными.

В нейтральных слогах все гласные, допустимые в заударных конечных слогах, являются более краткими по сравнению с сильными, но сохраняют свое качество.

В ослабленных слогах гласные могут редуцироваться в количественном и качественном отношениях, являются слабыми, негромкими и могут оглушаться, т.е. приобретать шепотный характер.

Особенности нейтральной и слабой реализации слогов *-CV* будут продемонстрированы далее на конкретных примерах, однако акустические характеристики этих слогов далее специально рассматриваться не будут.

Выяснилось также, что *качество* гласных в *конечных заударных открытых* слогах (*-CV*) в данном говоре зависит от указанных интонационных характеристик этих слогов (проблем, связанных с изучением реализации гласных в остальных заударных слогах в данной работе мы касаться не будем).

Так, в нейтральных заударных открытых конечных слогах все гласные, кроме [o], сохраняют свое качество. Гласный же [o] в этих сло-

гах является нестабильным, реализуясь либо как [o], либо как у-образный звук более высокого подъема, но со степенью лабиализации, характерной для [o] ([v] в примерах, цитируемых ниже), либо как краткое, "невыразительное" [y], что дает основание говорить не только о количественной, но и качественной редукции [o] и элементах уканыя в этих слогах.

В сильных ударных конечных открытых слогах

- гласные [a] и [o] по качеству не отличаются от соответствующих ударных гласных, они просто являются в этой позиции долгими и громкими по звучанию;

- гласный [e] либо сохраняет свое качество, либо произносится более открыто — как [’э], либо, в редких случаях, звучит как [’a];

- гласные верхнего подъема [и ы у] либо сохраняют свое качество, либо произносятся *более открыто*; в последнем случае [и] реализуется звуками типа [e] (более закрытым [e], который можно рассматривать также как широкий и обниженный [и], или же нормальным [e]); звук [ы] произносится как [э], а гласный [у] приближается по своему звучанию к [o].

Учитывая последнее, качественно модифицированные (расширенные, обниженные по подъему) гласные сильных слогов мы будем называть также их эмфатическими реализациями.

Нужно сказать, что правила реализации гласных в слогах -CV вообще, и в этих слогах в абсолютном конце слова (т.е. в позиции -CV[#]) в частности, были сформулированы не сразу и не по отношению ко всем гласным. Как уже было сказано, сначала внимание к себе привлекли особенности реализации [и] в слогах -CV[#], и только анализ большого количества магнитофонных записей позволил сделать указанные обобщения, которые мы, однако, не считаем окончательными.

Акустические особенности гласных верхнего подъема в нейтральных и сильных слогах -CV удобно продемонстрировать сначала на примерах из рассказов информатора П.Б. (д. Антоново). Ее речь характеризуется несколько замедленным темпом, характерным для архаичных форм русских говоров, и потому интересующее нас явление в ее "исполнении" на слух кажется более заметным, чем у других информаторов; кроме того, магнитофонные записи бесед с П.Б. являются одними из наиболее качественных из всех, выполненных во время экспедиции.

Начнем анализ с рассмотрения контекстов с формами мн. числа глаголов прош. времени, сопровождая их краткими комментариями.

Наиболее часто л-овые формы глаголов мн. числа с окончанием [-e] в речи П.Б. использованы в словах *под эмфазой* и в *абсолютном конце слова* (знак [//] указывает на конец высказывания):

ну гуля́₁₃ли́₇₃ так / нармáльно з^ауля́₁₃ле́₁₈₄ //; этот контекст показателен в том отношении, что окончания л-овых форм в первой и второй его части оформлены по-разному — первое с [и], второе с [e]; основное, эмфатическое ударение здесь приходится на слово *гуля́ле*. Примечательно, что по длительности окончания -и и -е отличаются незначительно, так что именно качество [e] в данном случае указывает на особую выделенность соответствующего слога (см. рис. 1);

Тро́ица была́¹ / мы в Анто́нове гуля́₁₄₆ли́₁₈₅; интонация этого отрезка прямо противоположна рассмотренному выше: эмфаза здесь приходится на слово *Тро́ица*, а форма *гуля́ли*, завершающая высказывание, произнесена относительно тихо и с нисходящей интонацией. Хотя [и] в этой форме довольно длительное, оно является слабым по размаху амплитуды, которая к тому же имеет затухающий конусообразный вид. Таким образом, можно полагать, что слог [-ли] в данном случае является слабым;

*Лоря в Ма́рфин^аэ₂₀₉₍₇₂₊₁₃₇₎ | брат я^оный_играл / вби́₁₀₉ле́₁₄₃ тожко нъ_вайне | и Лоря тяперя играл нъ_гармонь // (= Лоря (Ларион) в Марфине — его брат (тоже) играл, брата убили на войне); в этом высказывании форма *вби́ле* ‘убили’ под эмфазой использована в начале синтагмы, о “подчеркнутом” характере конечного -e здесь объективно свидетельствует то, что по длительности оно превосходит предшествующее ударное [и]; важно также, что в другом высказывании того же информатора в сочетании *уби́ли нъ вайне́* не под эмфазой была использована форма с -и;*

{После захода солнца молодежи не запрещали гулять?} *не / не / не / ни зъ-пряши́₁₀₅ле́₁₁₉ //*; здесь словосочетание *ни зъпряши́ле* является самостоятельным высказыванием-фразой, что и обусловило реализацию этой формы с окончанием -e;

тълакно́ дэ́₁₃₆лы₉₀ле́₁₂₁ // авёс се́¹₁₁₁иле́₁₁₄ // <...> раньшы на мельницэ малó₁₄₅ле́₁₂₀ / <...> / кисель ть-на́шому вари́₁₅₃ли́₇₈ белый //; при перечислении формы *дэ́лыле* и *сэ́ле* оказались под эмфазой; следующая далее синтагма завершается словом *малóле*, в котором конечное [e] кажется кратким и невыразительным, поскольку все слово произнесено относительно тихо; в завершающей синтагме использована форма *вари́ли*, в котором слог [-ли] может рассматриваться как хороший пример нейтрального слога;

*и вечеръм хадѣ*₁₃₇*ли*₁₀₃ . где вот събиралъсь мьладѣж // нъ Крястке' в зимний Кузьмин_день / тожсо три дня гуля₁₃₈лѣ₁₈₉ //; в первом высказывании форма *хадѣли* реализована именно с конечным [и], а не [е], хотя она находится под эмфазой и звук [и] в ней является длительным; как кажется, этот пример довольно убедительно свидетельствует о том, что использование *-и* или *-е* окончаний как-то регулируется информатором, а не является совершенно автоматически обусловленным указанными интонационными причинами;

*а с пьталка тагда нишшым <...> рьздава₁₆₂лѣ*₁₂₆ . рож //; слово *рьздавале* находится под эмфазой; оно, по всей видимости, должно было завершить высказывание, но информатор "передумала" и после небольшой паузы (гезитации) добавила слово *рож* (речь идет об обычае ежегодно раздавать нищим рожь, которой засыпали гробы, сделанные заранее);

*раньшы ву*₁₃₇*чѣ*₂₈₀*лѣ*₁₅₅₍₅₀₊₁₀₅₎ //; далее следует, перечисление того, чему учили детей; слово *вучѣле* произнесено с эмфатической интонацией, о чем объективно свидетельствует большая длительность ударного слога. Характерной особенностью реализации слога *-ли* в этом слове является дифтонгический характер [иѣ], который, как кажется, в явном виде представляет фонетический механизм расширения [и] в [е] в слогах, которые мы называем сильными.

Особый интерес в связи со сказанным представляют контексты, в которых используются обе рассматриваемые глагольные формы, напр.:

*а игде гьварѣ*₁₀₈*ли*₁₀₈ што хьранѣ₁₂₉*лѣ*₁₄₉ <...> / ааа / швѣ₁₀₉лины₄₂ (= щели) бѣ₆₅ли₉₂ / тряпкъм ъь зьтыкѣ₁₀₀ли₆₈_штоб пясок ни пал //; этот контекст вообще можно считать своего рода экспериментальным, поскольку в первом отрезке формы на *-ли* и *-ле* следуют друг за другом, и совершенно ясно, что *-е* второй из них обусловлено позиций *-си*^н; во второй части использованы две формы с окончанием *-и*, и в обоих случаях — в словах с нейтральным ударением;

⁽⁶⁾ *меня в самой мужык памѣр / тожсо*^н*сдѣ*₁₆₂*лѣ*₁₁₉ / в Варыгине дѣ₁₀₉лѣ₆₈ гроб / так йано ништо и звѣть_ни₁₁₆[ким₁]₆₆ //; здесь *дѣлѣ* и *дѣлли* также соседствуют, их конечные слоги могут служить своего рода образцами сильного и нейтрального слогов; слово же *никим* произнесено в шепотном режиме, оно фактически является безударным, и оба его слога (т.е. согласные и гласные вместе) по длительности соответствуют длительностям ударной и безударной гласной;

*дзедо(?) ооо э дядёй рабб₁₁₁т₇₂л_ц^е₉₈ / аны нам т₈₅ст_{авил}^ч_{216(110·116)} · з ба́не изо́бку //; в этом высказывании представлены два фонетических варианта реализации [и] в сильном слоге — в слове *рабб₁₁₁т₇₂л_ц^е₉₈* с помощью [и^е] обозначен его несколько обниженный вариант (“[и] с [е] оттенком”), а в слове *т₈₅ст_{авил}^ч_{216(110·116)}*, наоборот, слог заканчивается выразительным по качеству и длительным [е] сегментом, так что на его фоне начальный и-сегмент этого дифтонга почти не слышен. По этим реализациям видно, что расширение и обнижение [и] в сильных слогах является динамическим процессом, т.е. его степень зависит от степени интонационной силы, выделенности соответствующего слога;*

вот тут . такой саки́ринский прьдавал избу́ / маи_паилл₂_{197(92·195)} <...> взя́₁₈₆л_ц₇₆ посл_и вайне́ / ана в белый свет няго́нна //; в выделенном слове очень выразительно произнесен дифтонг на месте ударного [и]; все слово реализовано с ровной интонацией перед паузой “перечисления”, указывающей на то, что высказывание будет продолжено.

Реализация *-и*, аналогичная описанной выше, в данном говоре наблюдается не только в л-овых формах глаголов прошедшего времени, но и — в тех же самых фонетических условиях — в формах целого ряда других морфологических категорий. Так, в записях речи информатора П.Б. [е] вместо [и] отмечено в им. пад. мн. числа существительных муж. рода с основой на мягкий согласный и заднеязычные, а вместо [ы] — звуки типа [ы^е, э] в этой же категории существительных и местоимений с основой на твердый согласный, напр.:

{А кто их делал (о цевке)?} *лю́₁₉₀де₈₈ са́₁₅₀мэ₁₈₅* (= люди сами, диал. *са́мы*) //; на первое слово в этом высказывании приходится основное (эмфатическое) ударение, второе — завершает синтагму;

са́₂₀₈мы₇₁ все́ де́₁₁₆т_л_ц₉₈ са́₁₃₄мэ₁₉₂ //; как видим, слово *са́мы* повторено дважды — с окончанием [ы] в нейтральном слоге (первого слова высказывания) и с окончанием [э] в абсолютном конце слова. Характерно, что в форме *де́т_л_ц* конечное [и] по длительности превосходит это [э], но тем не менее [и] сохраняет свое качество, будучи элементом интонационно нейтрального слога;

раньшы все́ де́₁₀₃т_л_ц₇₉ са́₁₁₉мэ₁₁₀₁ //; в этом отрезке, следующим в рассказе информатора за предыдущим, контраст по длительности между [и] в *де́т_л_ц* и [э] в *са́мэ* усилен, общая интонация высказывания с эмфазой на слове *все́* реализована очень четко;

три гармо́₁₄₁не₁₀₄ (= гармонии) *сразу₇₆ было* //; на подчеркнутом слове реализовано основное ударение;

этѣ^м *па-нашѣму вцирѣ*_{1,40}*нни*_{8,2}*кѣ*_{1,127} (= это по-нашему утиральники 'полотенцы') //; после более краткого внутреннего предупредительного слога долгое конечное *-е* воспринимается как "подчеркнутое", выделенное слабым ударением;

(при перечислении того, что ткали сами) *и пѣкрывѣ*_{1,32}*лы*¹₇₅ / *и скѣтлярѣ*_{1,42}*ткѣ*¹_(106?) или *вцирѣ*_{1,90}*нникѣ*^м_{ѣ,197(78,119)} //; как и в предыдущем примере, слово *вцирѣнникѣ* завершает высказывание, "слабоударенность" последнего слога здесь еще более заметна; в то же время две предшествующие формы мн. числа реализованы с окончанием *-ы* под интонацией "незавершенного перечисления" (длительность [и] в слове *скатерѣтки* определить трудно, поскольку сразу за ним следует пауза, заполненная и-фонацией);

*вси кря*_{1,25}*стыѣ*_{1,32(68-64)} (= все кресты) //; дифтонгизированный гласный под ударением акустически состоит из двух четко выраженных элементов, но на слух более сильным и выразительным является второй из них;

*а йето . ни*_{1,03}*тыѣ*_{1,226(97+116)} (= а это ниты; из объяснения о том, как устроен ткацкий станок) //; дифтонгический характер конечного ударного звука на месте [ы] выражен еще ярче, чем в предшествующем примере, причем на осциллограмме завершающий элемент [э] является не только более длительным, но и более сильным по амплитуде.

Для наглядности данные о длительностях ударных и безударных гласных в приведенных выше примерах суммированы в таблицах 1 и 2. Статистические характеристики этих данных имеют исключительно ориентировочный характер, позволяя в какой-то мере объективизировать слуховые наблюдения. Показательно, что длительности ударных гласных в словах с конечным [и] и конечными звуками типа [е] из этимологического **-е* в среднем оказались одинаковыми (132 мсек), что объективно свидетельствует об относительно ровной, нейтральной интонации соответствующих отрезков речи. В то же время, как видим,

а) длительности [-и] в рассмотренных примерах составляют в среднем 69% от длительностей предшествующих ударных гласных, а длительности *е*-образных гласных в этой же позиции фактически не отличаются от длительностей ударных (составляя 102% от них);

б) средние длительности конечных *е*-образных звуков на месте этимологического **-и* (127 и 69 мсек в абсолютных величинах) почти в два раза (точнее, в 1,8 раза) превосходят длительности окончаний [-и].

Таблица 1. Длительности ударного гласного и безударного конечного [-и].

1	2	3	1	2	3
<i>гуля́</i> ₁₃₁ ли ¹ ₇₃	131–73	60	<i>де́</i> ₁₀₃ ля́ли ¹ ₇₉	103–79	77
<i>гуля́</i> ₁₄₃ ли ¹ ₈₅	146–85	60	<i>ты́крява́</i> ₁₃₂ лы ¹ ₇₅	132–75	57
<i>ва́ри</i> ₁₅₃ ли ¹ ₇₈	153–78	53	<i>скатя́рә</i> ₁₄₂ тки ¹ _(106?)	142–(106?)	74
<i>хади́</i> ₁₃₇ ли ¹ ₁₀₃	137–103	75			
<i>гъва́ри</i> ₁₀₈ ли ¹ ₁₀₈	108–108	100	Крайние значения		Крайние значения
<i>бы́гы</i> ₆₅ ли ¹ ₉₂	65–92	141	длительностей		
<i>зы́тыка́</i> ₁₀₀ ли ¹ ₆₈	100–68	70	гласных в		
<i>де́</i> ₁₀₉ ля́ли ¹ ₆₈	109–68	62	а) ударных и	а) 65–208	34–141
<i>ва́зя</i> ₁₈₆ ли ¹ ₇₆	186–76	40	б) безударных	б) 34–141	
<i>са́</i> ₂₀₈ мы ¹ ₇₁	208–71	34	слогам		
			В среднем	а) 132	69
				б) 69	

1 — примеры из речи информатора П.Б.; 2 — абсолютные длительности ударного и безударного гласного в соответствующих словах в мсек; 3 — соотношение этих длительностей в %.

Таблица 2. Длительности ударных гласных и безударных е-образных звуков на месте этимологического *-и в заударных открытых конечных слогах.

1	2	3	1	2	3
<i>э́уля́</i> ₁₃₁ ле ¹ ₁₈₄	131–84	110	<i>лю́</i> ₁₉₀ де ¹ ₈₈	190–88	46
<i>вби́</i> ₁₀₉ ле ¹ ₁₄₃	109–143	155	<i>са́</i> ₁₅₀ мэ ¹ ₁₈₅	150–85	57
<i>зы́няшиа́</i> ₁₀₅ ле ¹ ₁₁₉	105–119	125	<i>са́</i> ₁₃₄ мэ ¹ ₁₉₂	134–92	69
<i>де́</i> ₁₃₆ лы ¹ ₉₀ ле ¹ ₁₂₁	136–121	89	<i>са́</i> ₁₁₉ мэ ¹ ₁₀₁	119–101	85
<i>се́</i> ₁₁₁ иле ¹ ₁₁₄	111–114	102	<i>га́рмо</i> ₁₄₁ не ¹ ₁₀₄	141–104	74
<i>ма́ло</i> ₁₄₅ ле ¹ ₁₂₀	145–120	83	<i>гуля́</i> ₁₃₈ ле ¹ ₁₈₉	130–89	68
<i>вцира́</i> ₁₄₀ нни ¹ ₈₂ ке ¹ ₁₂₇	140–127	91			
<i>вцира́</i> ₁₉₀ нни ¹ ₈₂ е ¹ ₁₉₇	190–197	104	Крайние значения		Крайние значения
<i>вучы́</i> ₁₃₇ ли ¹ _е ₁₂₈₀	131–280	213	длительностей		
<i>ты́рани́</i> ₁₂₉ ле ¹ ₁₄₉	129–149	115	гласных в		
<i>сде́</i> ₁₆₂ ля́ле ¹ ₁₁₉	162–119	73	а) ударных и	а) 89–190	
<i>рабо́</i> ₁₁₁ ты́ ¹ ₇₂ ли ¹ _е ₉₈	111–98	88	б) безударных	б) 84–280	46–242
<i>ты́ста́</i> ₈₉ вил ¹ _е ₂₁₆	89–216	242	слогам		
<i>ры́здава́</i> ₁₆₂ ле ¹ ₁₂₆	162–126	78			
			В среднем	а) 132	102
				б) 127	

1 — примеры из речи П.Б.; 2 — абсолютные длительности ударного и безударного гласного в соответствующих словах в мсек; 3 — соотношение этих длительностей в %.

Как кажется, эти подсчеты довольно убедительно подтверждают слуховые впечатления об особенностях реализации сильных безударных слогов, которые на слух, как уже говорилось, воспринимаются как "усиленные", т.е. более длительные и более громкие, отчетливые, чем в литературном произношении. Обращает на себя внимание и то, что сильные слоги могут находиться как под восходящей интонацией ([¹] в транскрипции), обычно в середине фразы, особенно при перечислении, так и под нисходящей интонацией [.] в конце фразы.

Что же касается эмфатической реализации ударного конечного открытого слога, то о ней можно судить по словам *кря*₁₂₅*сты*₁₃₂₍₆₈₋₆₄₎, *ни*₁₀₃*ты*₁₂₂₆₍₉₇₋₁₁₆₎, которые встретились в прослушанных отрезках речи П.Б.: в обоих случаях на месте ударного [ы] был отмечен длительный по звучанию (132 и 226 мсек соответственно) подлинный дифтонг с первым ударным компонентом [ы́] и равновеликим ему компонентом э-открытым.

Анализ образцов речи других информаторов не только подтвердил наблюдения об особенностях реализации сильных конечных безударных слогов и эмфатической реализации ударных слогов в этой позиции, приведенные выше, но и позволил расширить список морфологических категорий, в которых наблюдается *расширение* [и ы], а также показать, что в рассмотренных интонационных условиях аналогичным образом могут изменяться и другие гласные. Все эти явления характерны для речи каждого из информаторов, но наиболее последовательно они реализуются неграмотными или малограмотными носителями данного говора; вполне возможно, что увеличение частотности рассматриваемых явлений у них обусловлено тем, что их рассказы, во-первых, построены в основном из коротких высказываний, и, во-вторых, интонация является для них самым важным средством оформления высказываний.

Яркими примерами информаторов такого рода являются П.П. (1918 г. рожд., неграмотная; д. Антоново) и М.В. (1911 г. рожд., читает по-церковнославянски, но в светскую школу не ходила; д. Мехово).

Житель д. Марфино И.Г. (1930 г. рожд.) окончил два класса, работал шофером, ездил по Союзу и вообще старался говорить с нами как можно культурнее, но от интересующей нас особенности говора избавиться он не мог.

Примером грамотного информатора, сохраняющего рассматриваемую особенность диалектной речи, является М.Р. (1933 г. рожд.); он окончил 7 кл., служил в армии и несколько лет прожил в совхозе недалеко от г. Ростова.

Для дальнейшего анализа прежде всего использованы контексты из речи перечисленных информаторов; часть примеров взята также из записей других носителей данного говора (данные об абсолютных длительностях интересующих нас гласных не приводятся, чтобы не загружать изложение).

Для всех наших информаторов характерны, разумеется, уже известные нам а) формы глаголов на *-ле* и б) конечное *-е(-э)* в им.-вин. падежах мн. числа существительных, причем в некоторых контекстах встречаются обе формы, напр.:

а) *папов сажале* (= сажали (в тюрьму)) //;
а токи Фядота видиле? (= (вы) видели?) //;
 (они, родственники) *ня бросиле* (= не бросили) //;

б) *йон как работъл так и работъл в Апóчке / яму нада дѣньгѣ* (= деньги) //;
такии добрые йесь людѣ (= люди) // п.п., Алгоново; с помощью [ĕ] в последних двух контекстах и далее обозначено длительное [e], которое на слух кажется слабуударенным).

а) *чассь_заниле дачники* (= часть (домов) заняли дачники) //;
начались савхозы тут / ужсь стале работѣ за дѣньгѣ (= стали работать за деньги) / *я от прѣработъл шафѣрѣм трицѣть сем лет* //;
зъписале (= записали) *рябѣнка и всѣ* //;

б) (от прошлого остались) *такии кусóчке* //, ср.: *так што вот здесь и астались аднѣ стѣрики* //;
там Ювенáльвивы жыли / там . ут дальшы Илариовóвѣ (= Илларионовы) //;

тут Игнáтьевы? (= Игнатевы) / *тут Афанáсьивѣ* (= Афанасьевы) / *Рѣпины / Сóкóловѣ* (= Соколовы) / *рáзныи в обичѣм фамíли^(w)* //; очень характерный контекст с чередованием аналогичных форм с конечными [ы] и [э] при перечислении;

тут калхоз / работѣли за трудѣдни / зъ пáльчкѣ (= за палочки) //;
выбил^u вокнѣ / выльмѣли . дзѣрѣ . всѣ //; ср.: *наслал тѣталки / палы / сдѣлѣл рáмы / и вот так я в этом дóми и жы_ѣ* //;

радѣтеле (= родители) . *там против_ыл^u што / тѣк тада . ѣсле* (= если) . *ани между сабой сѣварились / тѣк тада ... надѣхѣл / цон / увѣз и всѣ* //; ср.: *ну примерна . а_панравильсь яму стѣраверка / а радѣтили против ...* / и.г.

Марфино:

а) как *сгарѣле!* (= сторели) / *и так мы и ни пастáвили баню* //;
ашчѣ картошку перепáхвалѣ! (= перепахивали) /;
нас эта с хутѣрѣв сагнáлѣ (= согнали) / //;

в Жѣдьялѣх . *тожсо сямьѣ възѣли / куды тѣвзлѣи ня знáле* (= не знали) // (в рассказе о репрессиях тридцатых годов); ср.: / *тольки вот знáли / как нѣпримерно папка дружыл ...* / в следующем отрезке;

*ни*сь 'ни' *налогу йим там дава́ле* (= давали) / *па сорьк штук авец дяржа́ле* (= держали) / *в поли ни паслися* (= скот в поле не пасли) /;
аны ^{сворять} *мы таперь и забы́ле*¹ (= забыли) / *эту все зорё* //;
*пришли́ти краськ / шьрсця́ных / как раньшы красиле*₁ (= красили) //;
*вот так жы́ле*₁ (= жили) //;
*а мы в калхоз вступи́ле*¹ (= вступили) / *сдали вот э́тот двуор* <...> *на сорьк галов каров / ста́йле* (= стояли (коровы)) //;
*вут э́тот каторый лён сдава́ли*¹ / *так яво нада рьзаслать вытинуть / паднять / граблям пьднимале* (= поднимали) //;
и нас ни любы́ле (= не любили) //;
*и хьрашо ня жы́ле*₁ (= не жили) //;
вот ду́ам нам строб́ле (= строили) / *там в Бачо́хнове* / *но это я ня по́мню* // *это мы ма́линькии бы́ле*₁ (= были) /;
*зьяро́бтьли тольке*₁ (= столько) / *галонны*^а *сиде́ле*₁ (= сидели) //;
*анну изобку гадали*¹ / *купи́ле* (= купили) / *паста́виле* (= поставили) / *а мы не понимали / тусь мы не пьнимали / так и мужуки не пьнимали што пькупали / не знали што такой за гриб в пада́ле* //;
*а тут сгаре́ле*¹ (= сгорели) / <...> *в вайну́* //;
б) *а из етх* (= которых) *дедува́ну да́ле / но́чуй прияжжа́ли*¹ / *маши́нэ* (= машины) / *и зьбিরали вот в Саснивицэ* /;
вот Жыды́ли^а (= Жидяли) . *туда дальшэ / Зайи́цэ* (= Зайцы) / *Юринкóво / шчытай все* // (при окончании перечисления деревень, где были староверы);
йеты то́жо пенси́нерэ^а (= пенсионеры) //;
 (информатор пересказывает, что православные говорят староверам) *ваша вера няго́ннаа / вы стараве́рэ* (= староверы) /; ср.: *стыва́рэы бы́ле*, // в другом контексте М.В., Мехово:

а) *двацьць восим пудов сена . бра́ле* (= брали) /;
*нь ряку шм пьказа́ле*¹ (= показали) . *туда* //;
всех ... хто пьдьяжал всех забра́ле (= забрали, немцы вывезли в Германию) //;

б) *а патом брали ... не́мицэ* (= немцы) / З.М., Антоново.

Кроме приведенных выше форм на *-е/-э* им.-вин. пад. мн. числа существительных с мягкой и твердой основой были отмечены также два случая использования окончания [-э] в формах мн. числа страдательных причастий:

наста́валинэ (= наставлены) . *дуби́нэ* //;
таперь ужо купленэ (= (они) куплены; о соседних домах) // М.В., Мехово.

Аналогично может быть реализовано и *-ы в так наз. отпричастных (перфектных) формах, ср.:

два (брата) . *в армии паги́бшиэ* (= погибши) //; обычно эти формы в данном говоре оканчиваются на [ы] П.П., Антоново;
какой дом / тот сгаре́лишэ^а (= сгоревши) //;

и вот бывала вишѣ (= всё) расказъвъ³ нам зъ сталом сѣлишѣ (= севши) // всяко⁰ / как вот приѣхъле / и дамá выстръилѣ // зажълы тольки так //; то́жо была вывизин / выслана / тада замъж была в Саснивициу вышѣнци₁ (= вышедши) //; мы ж сгарѣлишѣ₁ // М.В., Мехово; урядникъв пѣнайѣхълишѣ (= понаехавши) . этъх / палиция / штоб ани^(ни) задралися б / раз две релиגיע₁ // М.Р., Марфино.

Только в речи одного из информаторов были отмечены конечные *-е* вместо этимологических **-и* в некоторых союзах и частицах:

прямо таково ръзгавбра не было / ѡле как (= или как) //; туда дабраца . ѣсле (= если) . толька пяхком //; ср.: (на Украине) ѣсли полѣ так значът полѣ //; всѣ-такѣ (= все-таки) дѡчка там //; тѣк тада . ѣсле (= если) . ани между сабоѣ згъварились / и.Г. Марфино.

По-видимому, этот факт можно считать указанием на то, что конечные гласные [и ы] в любых морфологических категориях могут реализоваться в данном говоре как [е] (или *e*-образные звуки), если соответствующий слог оказывается в сильной позиции. Не исключено также, что разные носители говора могут использовать это правило с различной частотой и, возможно, в различных наборах морфологических категорий в зависимости от лексических и интонационных особенностей своей речи.

Не совсем ясными являются причины реализации [ы] как [э] в личных местоимениях *мы, ты, аны*, ср.:

а втарѣѣ (брат) въехъл в Рагáвку к сястре / там жыл / прижанился / а мѣ ааа мѣ_астáлися (= мы остались) тутъ вот // М.В., Мехово; быдта я вам дава́ла как-та / а аны гъварить ня стáли мѣ (= мы) . вадить (= заводить лук, который давала своим соседям информантка) / гъварить / сѣиници пѣкупаим мѣлинький // П.П., Антоново; это ужэ ня нáшэ_анѣ₁ (= аны 'они'; о соседних огородах) // М.В., Мехово; и стала дружба врозь / раз . тѣ (= ты) . не журѣѣ // М.Р., Антоново.

Вполне возможно, что [э] на месте [ы] в этих местоимениях появилось сначала в тех случаях, когда они были в сильной безударной позиции, и не исключено, что их использование под ударением представляет собой проявление тенденции к лексикализации их “сильных” форм.

Как уже говорилось, в сильных слогах расширяются не только [и ы], но также [у] и [е]. Примеров реализации двух последних гласных в этой позиции значительно меньше, чем [и ы], и изучение осо-

бенностей их звучания связано с некоторыми трудностями. Рассмотрим сначала примеры с конечным [-у].

Обследованный нами говор находится на территории, где этимологический *-у представлен гласным [ѣ] во втором предударном слоге, в заударных неконечных слогах и в заударном конечном закрытом слоге, см. карты 10 и 19 ДАРЯ I. В конечном заударном открытом слоге *-у обычно реализуется как [у], однако в целом ряде случаев на его месте произносится [о] (по качеству не отличающийся от о-ударного), либо дифтонг типа [уо] с равными по длительности первым и вторым элементами, либо звуки, которые можно назвать дифтонгизированным [у] (= [y^o]) или дифтонгизированным [о] (= [ʔo]), напр.:

(о Богородице) *яна всё малильсь ббѹ* (= богу) / и боу яну взлюбил //; ср. формы с [-у] в контекстах: *вот я ѣ ббѹ малюсь* // и *ббѹародица ана ббѹ даходная . па-мо^оиму так гвварят* (речь идет о том, почему молитвы Богородице более действенны) п.п., Антоново;

(не было где венчаться, куда ехать к батюшке) *в Апѹчку* (= в Апочку) / *так я ужо видити как ни анной / как сказать / веры* (и потому вообще не венчался) // и.г., Марфино; "нейтральная" форма в *Апочку* зафиксирована многократно в речи почти каждого информатора;

в Марѹзѣви там нѣльгавинѹ (= напопоину) . ужз (было староверов) //

М.В., Мехово;

сразу как послѣ этѣй схѹдке / там много сѣльно пирикряссѣльсь в старѹю вѣро, (= в старую веру) //; как видим, в данном случае аналогичные формы с -у и -о следуют одна за другой, причем очевидно, что слог [-ро] в слове *вѣро*, находится в сильной позиции (абсолютном конце слова);

пост атнясѣш (= выдержешь) / *вот тагда ты имѣиш право малица ббѹ*, (= богу) //;

ббѹ (= богу) *малились тут / всё дѣльле*, (все обряды совершали) // М.Р., Антоново;

тоново;

заслѹну аткрѣиш и драва туда рѣиш в пѣчку (= бросаешь в печку) //;

П.Б., Антоново;

вот в калхоз мы много сдѣли / сдѣли вѣялкѹ (= веялку) / *вот так што вручную крутилѣ*, //;

дѣе бранѣ жалѣзнѣх // плѹгѹ (= плугу, вин. пад. от *плѹга* 'плуг') / *акѹчь-вѣльник што картѹшку рѣзганѣле* // ... // *дѣа сарая пад сѣно <...> сдѣле*, //; форма *картѹшку* в нейтральной позиции использована с -у;

а зѣвтрв рано надо было сняссѣ вот в Апѹчку (= снести в Опочку) // А.О.,

Марфино;

пѣлил эту рѣнѹ где скѹсьно (= полил эту рану, где искусано) / Ф.Я., Антоново;

гѹльшы 'громче' гвварѣ / я ня слышѹ (= не слышу) // М.В., Мехово.

Исключное *-о в заударных конечных слогах в наших говорах совершенно последовательно сохраняет лабиализованный характер, реализуясь звуками типа [o] или более закрытыми о- или у-образными звуками. Это явление, названное нами *заударным опоческим оканьем*, описано в специальной работе [Чекмонас 2003]. Поскольку конечное [-y] в сильных слогах может быть представлено звуком [o], оппозиция фонем /o/–/y/ в них спорадически нейтрализуется в /o/. В то же время нет оснований думать, что эта нейтрализация является полной и систематической, поскольку [-y] в этих слогах реализуется — также спорадически — дифтонгами и дифтонгоидами, в то время как -о в аналогичной позиции, судя по нашим наблюдениям, не дифтонгируется. Таким образом, в большинстве случаев фонемы /o/ и /y/ в слогах -CV различаются.

Особого внимания требуют особенности реализации безударного окончания *-ой твор. падежа существительных и прилагательных жен. рода ед. числа, т.е. в формах типа *с *ма́мой*, *с *красно́й*. Согласно карте 3 ДАРЯ II [1998], на данной территории оно представлено только с [-y], однако наши данные показывают, что это далеко не так. Например, в речи П.Б. (д. Антоново), кроме окончания -уй, как в случаях

мы пробы́ли (ткать) с *Хи́мкуй* / ну *няйде́* и *все́* //;

кали сме́ймсе (так!) с *Хи́мкуй* / *шть мы́ дъраки́ дърака́м* // (в обоих случаях гласный [y] произнесен четко и выразительно, т.е. так, как обычно произносятся сильные слоги);

зафиксированы реализации этого окончания с четким и выразительным [o], ср.:

(у информатора есть еще) *пълатенцы́ такии яичо . ро́нной ма́тынке* (= родной матери) //,

а также с кратким [ɔ]:

а вот эти ... ужэ тятя́ с ма́мдѝ / чашка (у них) *ньважонья́* //;

тут Жълабѝвѝ . ньываица́ / зъ Макси́мхѝй //;

(баньку) *вот поставили за_ри́кдѝй / печку внясли в Кузьмин день в зимний* !;

и закрытым [ɔ]:

было . ньсыпали ро́жѝфѝй ... гроб //.

В одном случае ((матрас) *самъю́ть / саломѝй нацискаю́ть* //) оно было произнесено с редуцированным [ɔ], что может быть следствием влияния литературной речи.

Приведенные примеры не позволяют считать [o] в этих формах следствием эмфатического произношения [y], рассмотренного выше; кроме того, это окончание представляет собой закрытый конечный слог, а особенности фонетики слогов данного типа в настоящей статье мы не затрагиваем.

Что же касается реализации [-e] в сильных слогах, то здесь ситуация гораздо более сложная.

Прежде всего, этимологическое *-е в наших говорах, подобно этимологическому *-о, в заударном конечном открытом слоге последовательно сохраняется в абсолютном большинстве морфологических

категорий [Чекмонас 2003]. В сильных слогах оно также в основном и преимущественно реализуется как [-e], однако в целом ряде случаев в данной позиции отмечены его более широкие варианты — от открытого [’э] до [’а], напр.:

вот йой сено нако́шньо / в сарай ня влезло / гъварить нада б прадаць / а никто ни пькупя́я (= не покупает) //;

печка плахая / а хто мне сде́ляя? (= сделает) //;

*а бяры́це*² (= берите) / *а лошгды гуля́я* (= гуляет) //;

ана работы́ла в мягазы́не / а и эта ня хо́ды (= не ходит) / *ана с Вары́гина* //;

я от пьсадила грядку свёкля́ / *о́дую пусь куряткым вы́рсы́я* (= вырастет) //

п.п. Антоново; ср. более частые формы в речи этого же информатора: *мужык рабо́ты́я адин*; (об автолавке) *яна там хо́ды в сваи дни* / и т.д.;

вот на йсты́видь / вот пьпраи́шчы́я (= попросит, (наставник) примет обрядовое прощение с миром) // — при обычном окончании [e] в аналогичных формах, ср.: *вот эта саста́ве все́* (= составит, скомпонировывает текст службы для богослужения) // и под.;

и это се́мя со́хня (= сохнет) п.а., Сидорово;

пълучаю я ты́сячу . сто¹ / ну й мне хватя́я (= хватает) //;

(соседка) *маленьку чуть па́лучыи* (= покрепче) *мяне / за хле́бм-то пры́дыя* (= придет) //; ср. *пры́дзе хто и гъварить ... /* и мн. др.;

ну вот / гаро́д абижя́я (= огород обижает, т.е. причиняет хлопоты) // м.в.,

Мехово;

йо⁰ной патомство где жыло / атец и мать . ня знай² (= не знает) //; здесь -e представлено долгим, расширяющимся, нестабильным звуком дифтонгонидного характера;

вот ана тут / бывало йе́дыя¹ (= едет) ... *нь наво́зниця́* (= на навознице, на специальной телеге) //;

ваш поп (православный) / *име́я* (= имеет) *жонку / име́я дятей* //; ср.: *пóльнъстыю все́ эта знай²* (= знает) // м.р., Антоново;

*спрасиль^м тут я в Ва́се*² (= у Васи) / *Вася гъварит нет / ...*; не исключено, однако, что подчеркнутая форма представляет собой закономерное окончание [-e] по типу склонения существительных жен. рода;

а ужы как вб́шыя (= общее) / *ужэ мирское нъзывали* //;

вот бувае / хто пры́дыя (= придет) *такой пьбирашка* / п.б., Антоново; ср. долгое “подчеркнутое” [-ē] в абсолютном конце слова у этого же информатора в высказывании: (кисель) *раствáривъе . скажъм жана́ / и ва́рэ* //.

Совершенно очевидно, что перечисленные реализации [-e] как [-’а] или [-’э] не представляют заударного яканья (в слогах -CV) как автоматического явления — хотя в контексте псковских говоров они могут быть истолкованы как *спорадическое яканье* в том же смысле, в каком говорится о предударном яканье, — но являются проявлением *эмфатического яканья*, т.е. следствием расширения и обнижения артикуляции [-e] в сильных конечных открытых слогах.

Одной из самых трудных задач оказалась интерпретация безударного окончания членных форм мн. числа прилагательных *-иел-ые (в словах типа *плахие, бальные*). Судя по имеющимся у нас материалам, в речи старших представителей говора окончания *-иел-ые* преобладает как в нейтральных, так и в сильных слогах. Например, в получасовом отрывке записи беседы с П.Б. (д. Антоново) отмечены следующие реализации этих форм:

вот вциранники вот эти васьминитовые;
ни спицальные вот во ... но спицальные анэ^а // длинные (о полотенцах, на которых опускают гроб в могилу) //;

(полотенца) *яны видь. в яму-то апускать. бальшыё //*;

(гроб) *как сам сдельши / доски харобыши ставють / талстыи // <...> ставють / талстыи // а йесь ьь, вот эти ьь, дельють казённые грабы / яны ништо / и звать никим //*; в этом контексте первые три формы на -ыи находятя явно в сильной позиции, конечное -и в них фонетически “подчеркнуто”:

(Знакомые?) *ну. ну. знакомые //*;

а пръваславные хъранились ... в нас пръваславныи были тольки Лътавицэ / ;

ранышы были <...> и чашки разныи / и ложки разные //; обе формы произнесены почти с одинаковой интонацией;

ранышы как рябйты нъывались / рапыський //; характерной особенностью реализации окончания -ии в данном случае является долгое, “выделенное” [-и];

те пръваславные быле //;

{Папа мама ваши откуда они} *а здёшние //*.

В речи других информаторов формы с окончаниями *-иел-ые, -иил-ыи* также используются как свободные варианты, ср.:

тада тут были такйи. грамътные (= такие грамотные) //;

{А это могли староверы делать, или мирские тоже} *да / и мирскйе* (уводили жен) //, ср.: *другйи* (= другие). *люди што ле* (= что ли) / *што мирскйи* (= мирские) //;

{Кругом же православные живут?} *да / ну от пръваславныи* (= православные) / *стъраверы //* И.Г., Марфино;

утюги-то ранышы какйи были нарбышые (= какие были нарощные, т.е. плохие) // Э.Г. Сидорова;

грядки длинные // — *но яво и ноги были плахйи* (= плохие) / *а вот видиш /*

П.П., Антоново;

а в то время три или пять рублей эта агранныи (= огромные) *де¹ньге быле //* М.Р., Антоново.

Таким образом, с фонетической точки зрения окончания *-ие, -ые / -ии, -ыи* в данном говоре чередуются аналогично *-ил-е* в формах *были / быле*, однако это чередование трудно объяснить их положением в сильных или нейтральных слогах. В то же время в членных формах при-

лагательных не отмечено ни одного случая *эмфатического яканья*, которое логично было бы ожидать, если для носителей говора именно формы на *-ие/-ые* были бы "исходными", т.е. обычными в интонационно нейтральных слогах. Эти факты позволяют сделать два предположения. Во-первых, дублетность окончаний *-ие, -ые/-ии, -ьи* в основе своей может быть связана с историей формирования морфологии данного говора, а не обусловлена чисто фонетическими причинами; иными словами, окончание *-ии, -ьи* могло проникнуть из таких соседних говоров (вместе с распространением сильного аканья-яканья), в которых оно сформировалось фонетически. Во-вторых, не исключено, что это окончание было заимствовано в говор из литературной речи и/или просторечия. В любом случае представляется вероятным, что самими носителями говора окончания *-ие, -ые/-ии, -ьи* воспринимаются именно в системе чередований нейтральное [-и] ~ эмфатическое [-е], описанной выше.

По всей видимости, аналогичным образом следует объяснять несколько более редкое [-и] в предл. падеже существительным ед. числа с основой на твердый согласный, где обычным является [-е], напр.:

жывѐ / а этъм / в Краснѣгаро́цкѣ //

у нас тут в Пско́ви есь тожь ро́цвинники / тожь_стѣравѣры //

Ягор Михалыч первый был в Сасни́вицѣ / Ягор Михалыч был //

у нас был яшшо такой Пѣтър Яву́енич с Сасни́вицѣ // — сказали што маленьнуу в Саснивицы ня будит / а будут дом культу́ру дельтъм //

а втарой (сын) в Ленигра́де // — а вот у миня сын есь / в Ленигра́ди жывѣт / п.а.

Сидорова:

йей и сын йесь в Апóчки / нявестка // — но а дочка ва Пско́ве / ана вучыльсь;

в Сидѣрѣви вси были стѣравѣрѣ / в Зуба́х вси бы́ле, // М.В., Меклово:

паставили_вот тута фунда́минт ... на фунда́минти на етѣм //

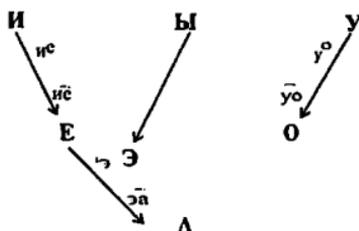
(деньги) йесь в карма́не / пашо́л купи́л;

вот адин в Па́лтаве был / а втарой в Ви́тйбске п.б., Антоново:

в этъй дяре́вне;

в друго́м даме А.О., Марфино.

Итак, можно считать достаточно надежно установленным фактом, что для обследованных говоров характерно своего рода эмфатическое расширение и обнижение артикуляции гласных высокого подъема и [e] в сильных конечных открытых слогах, схематически:

Как кажется, объективно о качественных преобразованиях гласных в сильных слогах -CV свидетельствуют два явления. Первое из них уже упоминалось — это дифтонгизация гласных [и ы у] под ударением в словах, на которые приходится основное (эмфатическое) ударение во фразе, напр.:

вода: вот нясу вядро вады́ (= воды, род. пад. ед. числа) / *там ни дьпала гурьчки нада палить* //;

три курьчки держу́ (= (я) держу) //;

вот так и жыву́ (= (я) живу) // П.П. Антоново;

а вот ужэ всю́ / *всё* //;

каровку нашу вгна́, (= (они) угнали) // *в дярвеню ва всіх тута пашли разыскьвѣть* / *пашли́* // М.В., Мехово;

маи пашли́ П.Б., Антоново.

Дифтонгизация ударных [ó] и [é] (типа *дву́др*, *дуб́м*, *гумну́д*, *лиѣс* и под.) в аналогичных интонационных условиях в рассматриваемом отношении не показательна, поскольку она известна во всех говорах Псковщины.

Второе явление отмечено только в речи одного информатора, но оно кажется очень важным в контексте изучаемой проблемы особенностей реализации гласных в сильных слогах -CV. Так, в нескольких случаях П.П. (д. Антоново) допустила эмфатическое яканье при использовании л-овых форм глаголов мн. числа, ср.:

в Саки́рине / вы там не бы́ля? (= не были) //; и переспрос — *не бы́ле?* //;

{Лечится к кому люди ходили раньше?} *а ни к каму ни хаді́ля* (= не ходили) / *да я ня знаю чаво так* //.

Несмотря на явно идиолектный и гипернормативный характер, оно кажется существенным, потому что также объективно подтверждает факт расширения конечного [-и] в [-е] в сильных слогах, поскольку очевидно, что появление [’а] в формах типа *бы́ля*, *хаді́ля* (или эмфатическое яканье) предполагает предварительный этап *бы́ле*, *хаді́ле* < *были*, *хадили*, а все эти формы действительно присутствуют в речи информатора.

В заключение остановимся вкратце на проблеме возможных связей между описанными особенностями реализации гласных в сильных заударных открытых конечных слогах вообще, и “эмфатических” форм типа *хаді́ле*, *бы́ле* в частности, с аналогичными по звучанию формами в некоторых говорах Гдовщины, а также зафиксированными в новгородских берестяных грамотах.

Как известно, на возможность сохранения форм ед. числа муж. рода на -е в живых говорах одним из первых внимание обратил Н.М. Ка-

ринский, сообщивший, что в говоре Мды (теперь Островской волости Гдовского р-на Псковской области) “весьма примечательна форма причастий на *л'е* (с *л* мягким)” которая используется “для муж. и жен. рода ед. и мн. числа: *я пошл'е* (говорила баба), *мы поьхал'ѣ, барин ушл'ѣ* (курсив мой — В.Ч.). Эта форма, для им. ед. муж. р., хорошо известна в северо-русской письменности с XII века, ср. въдалѣ *Ѣрламе* (Хутынская грамота). В псковской письменности встречается та же форма” и цитируется *кнѣзь великои побегле ... и и велииле великѣ кнѣзь...* из Псковской летописи по Погодинскому списку [1916, 234]. Далее он сделал два замечания, на которые, как кажется, впоследствии не было обращено должного внимания, первое: “В им. мн. в псковских летописях окончание *-ли*” и второе: “На русской диалектологической территории никем форма им. пад. ед. на *-л'е* до сих пор отмечена не была <...>. Им. мн. на *-л'е* был отмечен многократно и между прочим в акающих-цокающих говорах Бронницкого уезда” [там же].

Формы причастий на *-ле* (= *-ль*) в этих подмосковных говорах (г.п. Бронницы находится в ≈45 км к юго-востоку от Москвы, на полпути к г. Коломне) М.Н. Каринский отметил еще в 1903 г., они представлены в его материалах следующими примерами: *пѣле'* (мы пели), *гуляле* (2 р.), *взяле'* (2 р.), *имтьле'*; “к сожалению — добавляет он, — отмечено только 6 случаев” [1903, 370], однако на предшествующей странице наряду с формами сравнительной степени *стѣре*, *бахѣте* указан седьмой пример — *быле'* (= были) [там же, 369].

Это наводит на мысль, что факт сосуществования в одних и тех же говорах *л*-овых форм множественного числа на *-ле* с аналогичными *л*-овыми формами единственного числа (как на Гдовщине) вовсе не означает, что они обязательно связаны по происхождению. Это обстоятельство хотелось бы особо подчеркнуть, поскольку в истории изучения псковско-новгородского окончания *-е* ед. числа (аналитический обзор работ по этой проблеме см. [Крысько 1993b]; сведения из русских говоров о формах на *-е* ед. числа систематизированы им в [1993a]) проблеме взаимоотношения этих форм почти не уделялось внимания, и мало правдоподобное предположение Ф.П. Филина [1964] о том, что *л*-овые формы мн. числа на *-ле* возникли вследствие обобщения старых форм на **-е* (ед. числа) и на **-ль* (мн. числа) — т.е. вследствие смешения форм ед. и мн. числа (!) — не вызвало дискуссии (см. замечание в [Крысько 1993а, 86]).

Очевидно, между формами на *-ле* мн. числа подопечецких говоров, которые, как мы видели, являются эмфатическими, т.е. позиционно-интонационными вариантами нейтрального окончания *-ли* и только одной из разновидностей эмфатической реализации гласных верхнего

подъема и [e], с одной стороны, и старыми псковско-новгородскими формами на -е ед. числа муж. рода *прямой связи быть не может*; косвенная же связь между ними, однако, не исключается, если учесть следующее.

В магнитофонных записях, с которыми мы работали, оказались зафиксированными несколько форм на -е прилагательных ед. числа муж. рода и одна л-овая форма ед. числа жен. рода (также не замеченные в полевых условиях; внимание на них при сплошной расшифровке целого ряда текстов обратила Н. Морозова). Эти примеры таковы.

В рассказе о том, как варят овсяный кисель и делают квас в домашних условиях, информатор П.А. (д. Сидорово) сообщила:

он (кисель) ш чарнінь был (= с черниной, т.е. с черным оттенком) / но душиян был вкусьне был (= вкусный был);

йон (квас) пьстаіть три дня / как он вку₁₁₈сьне₁₃₂ (= вкусный) / как он чб₁₆₆сьне₁₁₄ (= черный) // П.А., Сидорово.

В первом контексте слово *вкусьне* находится под нейтральной интонацией, конечное [-e] в нем поэтому является кратким; принадлежность словоформы к муж. роду удостоверяется всем окружением — как предшествующим сочетанием *душиян был*, так и глаголом *был*, завершающим высказывание.

Во втором контексте слова *вкусьне* и *чорне* находятся под эмфазой, конечное [-e] в них является длительным, т.е. произнесено очень отчетливо; морфологическое значение их как форм муж. рода также не вызывает сомнений.

В речи информатора М.В. (д. Мехово) прозвучало:

а Мишка сваяк сидить и гварить (тот в умне₉₂ (= умный) гараст был) вера йирятицкья йесь тьк и нъывале // (ср. оумене есть в новгородском списке Повести об Акире Премудром, цитируемое В.Б. Крысько [1993b, 140]).

Наконец, информатор И.А. (д. Сакулино), рассказывая о пережитом его супругой во время войны, произнес:

анá в лагире бы₉₇л'э₁₉₂ (= она ... была) //.

Кажется маловероятным, что первые три формы обязаны своим существованием влиянию эмфатического -e (из -и) в рассмотренных выше морфологических категориях. Скорее всего, они действительно являются рефлексами старого псковско-новгородского окончания -e ед. числа муж. рода; *быле* жен. рода ед. числа несомненно представляет собой проявление такой же тенденции к обобщению форм муж. рода типа *быле* на все формы ед. числа, какую отметил Н.М. Карин-

ский в говоре Мды. С другой стороны, нет никаких оснований предполагать влияния этих старых форм на формирование эмфатических форм на *-ле*, которые, как было показано выше, представляют собой лишь частный случай эмфатической реализации почти всех гласных в слогах *-CV*.

Сам факт существования архаичных в настоящее время форм на *-е* ед. числа муж. рода в опочецких говорах является несомненным свидетельством их архаического характера в целом. Развитая система эмфатической реализации гласных в заударных конечных открытых слогах, а также не только сохранение, но и укрепление противопоставлений */ol-|al-le/* в данной позиции (т.е. заударного оканья в широком смысле) указывает на то, что в ритмической структуре слова этих говоров слоги *-CV* имеют особый вес и особую фонетическую значимость. Учитывая это обстоятельство, можно допустить, что и генезис окончания *-е* ед. числа муж. рода, к которому давно и прочно прикрепилось определение "загадочное", мог быть связан с процессами усиления открытых слогов конца слова — но в более раннюю эпоху, во время существования конечных редуцированных.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРАНСКРИПЦИИ

Для более удобного представления материала в работе использована упрощенная транскрипция со знаками *я, ю, ѐ*; знак *ъ* обозначает краткий редуцированный гласный неопределенного тембра (типа [ə]), а знак *ь* — мягкость предшествующего согласного.

Долгота гласных обозначается знаком [ː], краткость — [˚].

Оглушение согласных в конце слов и перед глухими, озвончение, позиционное смягчение согласных перед согласными, а также многие варианты реализации отдельных согласных ([ʂ], [ч], [ц] и др.) специально не обозначаются.

В транскрибированных фрагментах речи, а также в случаях, когда демонстрируются те или иные особенности звучания отдельных слов, многоточие указывает на пропуск некоторых отрезков.

Точка между словами [] указывает на небольшую паузу (обычно хезитации).

Слитное произнесение соседних слов, когда они образуют одно фонетическое слово, в случае необходимости обозначалось с помощью [_].

Надстрочные знаки после символа, обозначающего гласный звук (типа ^ː, [˚], и под.), указывают на оттенки звучания соответствующего гласного; таким же образом обозначены все неясно произнесенные ("полупроглоченные") звуки.

В тексте работы звуки речи заключены в скобки [], а фонемы — в //.

Значение некоторых специальных символов оговорено в тексте статьи.

В примерах из других работ сохраняется оригинальная транскрипция, если в них изменено шрифтовое оформление, то это оговаривается.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

- А.О., Марфино — Анна Феодуловна Осетрова, 1927 г., 5 кл.;
- З.Г., Сидорово — Зинаида Васильевна Григорьева, 1916 г., почти неграмотная (1 кл.), родилась в д. Пестово, около д. Морозово;
- З.М., Антоново — Зинаида Алимпиевна Михайлова, 1926 г., 7 кл., род. в д. Морозово;
- И.А., Сакулино — Илья Андреевич Андреев, 1931 г., 6 кл.;
- И.Г., Марфино — Иларион Григорьевич Григорьев, 1930 г., 2 кл. до войны и полгода после войны, служил в Ростове-на-Дону, в 1957 г. вернулся в Марфино, 37 лет работал шофером;
- М.В., Мехово — Марамид Петровна Васильева, 1911 г., в светскую школу не ходила, 2 года училась (церковно)славянской грамоте, род. на хуторе Бачохна (под Меховым), мать из д. Люцково;
- М.Р., Марфино — Макар Григорьевич Рогалев, 1933 г., 7 кл.;
- П.А., Сидорово — Прасковья Степановна Андреева, 1921 г., 7 кл., род. в д. Сидорово, мать из д. Рогали;
- П.Б., Антоново — Павлина Силантьевна Богданова, 1922 г., мать из д. Марфино, отец из д. Антоново;
- П.П., Антоново — Пелагея Нестеровна Павлова, 1918 г., род. в д. Антоново;
- Ф.Я., Антоново — Федот Минович Яковлев, 1930 г., 3 кл., род. в д. Антоново, 4 года армии, 1 год работы в Донбассе, закончил школу механизаторов, работал в колхозе.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ I 1986 = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках*, вып. I: *Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика*. Москва.
- ДАРЯ I 1986 (карты) = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках*, вып. I: *Фонетика*. Москва.
- ДАРЯ II 1989 = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках*, вып. II: *Морфология. Комментарии к картам*. Москва.
- ДАРЯ III 1996 = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках*, вып. III: *Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат*. Москва.
- Зализняк А.А., 1991: Берестяные грамоты перед лицом традиционных постулатов и vice versa, *Russian Linguistics*, 15. 217–245.
- Зализняк А.А., 1995: *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Каринский Н.М., 1903: О говорах восточной половины Бронницкого уезда, *Известия Отделения русского языка и словесности*, т. 8, кн. 1, 357–384; кн. 2, 194–221 (+ карта). Санкт-Петербург.
- Каринский Н.М., 1916: Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г., *Журнал Министерства народного просвещения*. Новая серия, LXI, № 2. Санкт-Петербург, 199–251.

- Крысько В.Б., 1993а: Новые материалы к истории древненовгородского нонинатива на *-е*, *Вопросы языкознания*, № 6. 78–88.
- Крысько В.Б., 1993б: Общеславянские и древненовгородские формы пот. sg. masc. **о*-склонения, *Russian Linguistics*, 17(2). 119–156.
- Филин Ф.П., 1964: Об одном загадочном явлении в языке северных памятников древнерусской письменности, *Prace filologiczne*, t. 8(2). 342–345.
- Чекмонас В., 2003: Заударное оканье в псковских говорах под Опочкой, in *Материалы и исследования по русской диалектологии*, (в печати).
- Honselaar Z., 1997: Следы окончания *е* и. ед. муж. *о*-склонения в одном современном Гдовском говоре, *Russian Linguistics*, 21(3). 217–245.

E-mail: cekm@post.onmitel.net

Август 2002 г.

VALERIJ ČEKMONAS

**On the forms *гуля́ле, пашлэ́*-like 'we, they walked, went away' etc.
in Pskovian vernaculars near Опочка**

Careful analysis of tape recordings made in the above vernaculars in May-June 2002 revealed an interesting phenomenon not detected previously by dialectologists: the high vowels [i y u] and the medial [e] are more open and lower in post-tonic final open syllables (-CV) which are intonationally strong (in words under emphasis and in absolute final position). The unaccented vowels in these syllables are long and loud in volume, and change their quality from [i y u e] to [e э о 'э]; being realized under stress as broadening diphthongs (or diphthongoids). For example, instead of *хаді́ли* 'they walked', *де́ньги* 'money', *Со́кльвы* (Со́коловы, family name), *бо́гу* (Dat. Sg. from *бог* 'God'), *ве́илку* (Sg. Dat. from *вее́лка* 'winnowing-machine'), *хо́де* ('he/she walks', the 3rd Sg. Praes. from *ходи́ть* 'to walk') in intonationally neutral position the same words are pronounced *хаді́ле*, *де́ньге*, *Со́кльвъэ*, *бо́го*, *ве́илко*, *хо́дя* when they are in strong position.

In connection with this phenomenon, the article also discusses briefly the mysterious ending [-e] (in Nom. Sg. masc of substantives and in the 3rd Sg. Praet.).